

НОВЫЕ КНИГИ

Д. С. Попов

Профессионал и его работа: важен ли человеческий капитал в современной России?

Рецензия на книгу: Тихонова Н. Е., Латов Ю. В., Каравай А. В., Латова Н. В., Слободенюк Е. Д. 2023. *Человеческий капитал российских профессионалов: состояние, динамика, факторы*: [монография] (отв. ред. Н. Е. Тихонова, Ю. В. Латов). М.: ФНИСЦ РАН. 488 с.

ПОПОВ Дмитрий Сергеевич — кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН. Адрес: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5.

Email: dmtppv@gmail.com

Данная публикация представляет собой обзор вышедшей в Академии наук монографии «Человеческий капитал российских профессионалов: состояние, динамика, факторы» [Тихонова et al. 2023] и размышление над ней. Исследования последних двух десятилетий неоднократно показывали, что стоимость человеческого капитала (по меньшей мере, в развитых странах Запада) превысила стоимость капитала физического, и именно человеческий капитал во многом определяет современное экономическое развитие. По этой причине интерес к человеческому капиталу остаётся на неизменно высоком уровне, особенно это касается поиска и оценки макроэкономических эффектов от него. Вместе с тем в изначальной теории, появившейся в 1950–1960-х гг. в лоне Чикагской экономической школы, человеческий капитал определялся на микроэкономическом уровне как результат инвестиций человека в собственную жизнь и собственное развитие. Попытка социологического осмысления человеческого капитала, предпринимаемая авторами рассматриваемой в данной статье книги, приводит к тому, что за довольно абстрактной идеей капитала они видят конкретных социальных акторов — людей и социальные группы. В некотором смысле такой ракурс вновь делает идею человеческого капитала ближе к её изначальной интерпретации. Авторы книги ставят вопрос о том, что профессионализм и — более обще — человеческий капитал (в первую очередь знания, умения, навыки) означает в условиях социальной системы современной России, даёт ли он преимущества своим «носителям». Вопреки кажущейся очевидности и простоте, вопрос обнаруживает себя как весьма сложный. Наблюдаемые преимущества обладателей глубоких профессиональных знаний и навыков, выраженных в социальной динамике, доходах, социальном престиже, в условиях постфордистских знаниеёмких экономик далеко не всегда и в меньшей мере, чем где бы то ни было, доступны российским профессионалам. Один из пессимистических выводов книги состоит в том, что российское общество «застряло» где-то в области перехода к экономике постмодерна, и неизбежность этого перехода видится сегодня далеко не очевидной. По всей видимости, профессионализм и человеческий капитал играют иную роль в современных российских условиях, чем в экономиках Запада, что заставляет по-иному посмотреть на вопросы динамики, структуры и социального развития.

Ключевые слова: человеческий капитал; человеческий потенциал; профессионалы; специалисты; социальная структура; социальная успешность; социальная динамика.

Введение

Одним из важнейших достижений революций, как буржуазных, так и социалистических, произошедших на сломе сословного строя, стало то, что, как принято считать, человек обретает своё место и признание в обществе не за счёт аскриптивных, врождённых характеристик, но за счёт характеристик приобретённых. Важнейшие из приобретённых характеристик — это профессиональные навыки, знания, умения. Они получают в социальных науках несколько отличающиеся теоретические интерпретации. Помимо классической «инструментальной» интерпретации Чикагской экономической школы, в которой навыки тесно связаны с производительностью, экономической продуктивностью и экономической же отдачей, с середины 1980-х гг. распространение и популярность получает другое понимание, опирающееся на идеи психологии личности. В рамках такого понимания навыки и знания необходимы для самореализации и обеспечения полноценной жизни и благополучия (*wellbeing*) человека (см., например: [OECD 2020]). В социологии получила распространение идея о том, что умения и знания человека связаны с проблемами неравенства и социальной динамики. Так, например, французский структуралист П. Бурдьё видит в них основу интериоризированной социальной структуры, «габитуса», определяющего социальную позицию и перспективу человека. Воплощение, инкорпорирование навыков (то есть приобретение и закрепление этих навыков у индивида) создаёт человека. Бурдьё вступает в заочный спор с экзистенциалистом Ж.-П. Сартром, обращаясь к сюжету из фундаментального труда философа «Бытие и ничто», в котором Сартр рассуждает о том, что официант лишь играет в официанта, играет в свою профессию и «не может быть непосредственно официантом кафе в том смысле, в котором эта чернильница есть чернильница, стакан есть стакан» [Сартр 2004: 94]. Бурдьё настаивает на подлинной реальности официанта, базирующейся на его габитусе, усвоенных им навыках, предрасположенностях и практических схемах, среди которых профессиональные знания и умения занимают центральное место. Официант не играет в официанта, но он суть официант, и превращение официанта в интеллектуала — это не вопрос «просветления», но вопрос тяжёлой работы по изменению инкорпорированных навыков, знаний и умений [Бурдьё 2007]. Отсюда, к слову, произрастает пристальный интерес учёного к вопросам образования и социального воспроизводства.

Значимость приобретённых людьми знаний и навыков закономерно нашла признание и в экономике. Концепция человеческого капитала возникает в 1950–1960-е гг. в лоне Чикагской экономической школы. Научная ценность этой концепции подтверждена многими десятилетиями эмпирической работы, значительная часть которой была проведена за пределами США. Вместе с этой работой приходило осознание несовершенства изначальной модели, причём как техническое (методическое), так и концептуальное, поэтому начиная с 1980-х гг. в адрес теории человеческого капитала звучит нарастающая критика.

Теория человеческого капитала говорит нам об экономической производительности и важности для неё инкорпорированного в людях «капитала», приобретённого в процессе многолетнего образования и труда. По современным оценкам (см.: [Liu 2011; Капелюшников 2013а; 2013b]), именно человеческий капитал обладает наибольшей стоимостью в наиболее развитых странах, опередив по этому показателю «материальные» виды капиталов. В условиях постфордистской экономики гарантией и драйвером экономического роста становится именно человеческий капитал. Несмотря на то что в центре классической теории человеческого капитала изначально находился абстрактный и рациональный *homo economicus*, социальные последствия такого теоретизирования, оказавшегося особенно весомым для экономической политики многих стран, стали ощущаться обычными людьми, во плоти и крови.

Демографический потенциал многих стран Запада (как, впрочем, и нашей страны, и некоторых экономически развитых стран Востока) сегодня весьма скромнен, впору говорить о потенциале сокращения, а не роста трудоспособного населения. Если инкорпорированный в людях капитал оказывается наиболее дорогим и значительным, то за счёт чего возможно дальнейшее экономическое развитие? За счёт повышения отдачи от работы каждого человека? Но потенциал такого повышения ограничен, и чрезмерная настойчивость этого решения способна привести к реинкарнации печально знаменитой «потогонной системы» (*sweating system*), требующей от работника максимальной отдачи в ущерб его собственной жизни и интересам.

В этом контексте в научной литературе возникает «левый ответ» создателям классической теории на концепцию человеческого капитала — и в виде альтернативных концепций (например, человеческого потенциала (*human development*) [Sen 1985; UNDP 1990]), и в виде попыток переосмысления роли человеческого капитала в современной экономике и жизни со смещением акцента с производительности и экономической отдачи на проблемы полноты и качества жизни отдельного человека [Brown, Lauder, Cheung 2020]. Иными словами, в центре этого ответа лежит попытка увидеть потребности человека (а не только социальной системы) за фасадом абстрактной и отвлечённой теории.

Вопрос о социальном значении, смысле инкорпорированных навыков оказывается гораздо шире сугубо экономической интерпретации. Важность этих навыков, как было упомянуто выше, сама по себе является достигнутым в политической борьбе результатом. Соответственно, можно вполне обоснованно предположить, что в условиях различающихся социальных и культурных систем роль инкорпорированных навыков, знаний, умений далеко не одинакова. И определение их локализованной темпорально и социально функции становится задачей не абстрактного отвлечённого теоретизирования, но эмпирической работы, учитывающей национальный контекст. Одну из попыток сделать такую работу и предпринимают авторы новой книги «Человеческий капитал российских профессионалов: состояние, динамика, факторы», вышедшей недавно в Академии наук. Авторский коллектив монографии (Н. Е. Тихонова, Ю. В. Латов, Н. В. Латова, А. В. Каравай, Е. Д. Слободенюк) одновременно представляет НИУ ВШЭ и ИС РАН, однако книга заявлена как «продолжение начавшейся в 2000-х гг. работы группы социологов Института социологии ФНИСЦ РАН под руководством Н. Е. Тихоновой по комплексному осмыслению особенностей социальной структуры российского общества первой четверти XXI века. Центральная проблема книги — качество человеческого капитала в России, а также то, насколько это качество связано с социальной и экономической успешностью российских профессионалов (в том числе на фоне других стран). Несомненно, что авторы книги были в курсе упомянутых выше теоретических споров и смещений. Они, пусть и косвенным образом, присоединяются к критике классической теории и заявляют, что их научный проект представляет собой своего рода «левый поворот» в исследовании человеческого капитала и профессионалов. Попробуем разобраться в том, что содержательно значит это заявление, а также в том, каковы экономические и социальные смыслы и значимость человеческого капитала в условиях современной России.

Книга «Человеческий капитал российских профессионалов...» состоит из 13 глав. Первые две главы посвящены вопросам теории и методики. Главы с третьей по девятую представляют собой своего рода «сердце» книги, в них даётся характеристика общих трендов динамики профессионалов, предложены сюжеты, связанные с характеристиками социальной успешности (или неуспешности) профессионалов, оценивается роль человеческого капитала и иных ресурсов для такой успешности. Следующие две главы предлагают новый взгляд на оценку человеческого капитала через оценку досуговой деятельности и миграции. Заключительные главы предлагают в несколько сжатом виде сравнение состояния профессионалов в России и других странах.

Теория, методика и данные

Уже в первой главе монографии ставится вопрос о том, достигла ли российская экономика того самого постфордистского состояния, в котором, в логике теоретиков экономики постмодерна (см., например: [Флорида 2007]), именно инкорпорированные навыки становятся наиболее важными и «весомыми» в экономическом процветании и развитии. Ответ авторов отрицательный, и на протяжении всей книги они находят всё новые эмпирические аргументы, подкрепляющие его. На этом фоне они предлагают рассматривать профессионалов как особый «новый класс». Этот термин уже использовался в югославском марксизме при описании советской социальной системы, однако в рассматриваемой книге он приобретает иное, отличное от предыдущего, содержание. «Новый класс» профессионалов в условиях российского общества парадоксальным образом оказывается не локомотивом экономического развития, но уязвимым и отчасти обделённым (во всяком случае, в сравнении с профессионалами в развитых странах Запада). Таким образом, в рамках «левого поворота» попытка «увидеть» человека в реинтерпретированной теории человеческого капитала превращается в попытку «увидеть» целый класс, обладающий наивысшим человеческим капиталом, но столь же уязвимый в текущих исторических обстоятельствах.

Необходимо упомянуть, что понимание «профессионалов» в книге несколько разнится с принятым в классической функционалистской традиции, где профессия, отличающаяся по своему содержанию от занятий (*occupations*), выступает важной основой социальной структуры, а профессионалы обладают «моральным кодексом», содержащим идеологию профессии и позволяющим им удерживать профессиональную автономию [Парсонс 2015]. Авторы же называют профессионалами владельцев дипломов о высшем образовании, работающих на требующих такого образования позициях. В этом понимании синонимом слова «профессионал» становится «специалист с высшим образованием». Этот отход от социологического канона с заменой «профессионала» на «специалиста» до некоторой степени может быть оправдан, когда речь идёт о работе с — всегда ограниченными — количественными данными; концептуальное упрощение делает работу более эмпирически обоснованной.

Главное внимание авторы уделяют 2010 — началу 2020-х гг. В центре внимания находится анализ данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ НИУ ВШЭ; см.: URL: <https://www.hse.ru/rlms/>). На эти данные работа в основном и опирается. Дополнительно авторы привлекают результаты общероссийских опросов Института социологии ФНИСЦ РАН¹, а также материалы последнего раунда Международной программы социальных исследований (International Social Survey Programme, ISSP) за 2000–2022 гг.² В целом работа с данными выглядит достаточно убедительно. Отметим, однако, что некоторые методические ходы могут вызвать вопросы у исследователей. В первую очередь стоит сказать об использовании разработанных самими авторами индексов — качества человеческого потенциала, качества общего человеческого капитала и некоторых других. Это

¹ Мониторинг ИС РАН и ИС ФНИСЦ РАН, 2014–2023 гг. Первое исследование в рамках этого проекта было проведено в октябре — ноябре 2014 г.; второе — в марте 2015 г.; третье — в октябре 2015 г.; четвертое — в марте 2016 г.; пятое — в октябре 2016 г.; шестое — в мае 2017 г.; седьмое — в октябре 2017 г.; восьмое пришлось на март — апрель 2018 г., девятое — на октябрь 2018 г.; десятое — на июнь 2019 г., одиннадцатое — на октябрь 2020 г.; двенадцатое — на март 2021 г.; тринадцатое — на март 2022 г., четырнадцатое — на июнь 2023 г. Объём выборочной совокупности исследования в каждой волне составлял от 2000 до 4000 респондентов, репрезентировавших взрослое население страны в возрасте 18 лет и старше. До 2017 г. объём выборочной совокупности составлял 4000 человек, начиная с 2018 г., как правило, 2000 человек.

² В книге использованы материалы трёх волн ISSP: — двух опросов по теме «Work Orientation» («Трудовая деятельность») за 2005 и 2015 гг. Объём российской выборки 2005 г., репрезентировавшей взрослое население в возрасте 18 лет и старше, составил 1605 человек; 2015 г. — 1600 человек; — опроса по теме «Social Inequality» («Социальное неравенство») за 2019 г. В России этот опрос проходил в январе 2019 г. Объём российской выборки в этом опросе, репрезентировавшем взрослое население в возрасте 18 лет и старше, составил 1626 человек.

ход, на который, авторы, безусловно, имеют полное право, но он фактически ликвидирует международную сопоставимость полученных результатов. Например, в исследовательской литературе очень редко встречается, чтобы при оценке человеческого капитала учитывалось успешное функционирование в цифровой среде. Некоторые показатели (например, состояние здоровья), вошедшие в индекс, по свидетельству авторов книги, не оказывают влияния на качество человеческого капитала. Впрочем, отметим, что упомянутые индексы прошли апробирование и использовались авторами книги в более ранних публикациях [Тихонова, Каравай 2017; Тихонова 2020; 2022].

Ещё одна методическая ремарка связана с измерением социальной структуры. Обычно в стратификационных исследованиях руководящая позиция в иерархических структурах рассматривается параллельно с профессией, как отдельный критерий для классификации. В частности, это так в широко распространённой модели Эриксона—Голдторпа—Портокаро (EGP), а также в основанной на ней Европейской социально-экономической классификации (The European Socio-Economic Classification, ESeC), к которым есть отсылки в книге. Однако в монографии руководящие позиции рассматриваются в единой логике с профессиональной принадлежностью; при этом руководитель выступает как «суперпрофессионал», вышестоящий в иерархии. Для такого смещения есть определённые теоретические основания, предложенные, например, Дж. Бернхэмом [Burnham 1941]. Авторы книги находят и эмпирические обоснования для такого решения, о них речь пойдёт ниже.

Человеческий капитал российских профессионалов: ключевые эмпирические результаты

Итоги исследовательской работы приводят к целому ряду интересных эмпирических наблюдений и констатаций. Оценка доли профессионалов в структуре работающего населения несколько различается в зависимости от используемых данных; по оценкам Федеральной службы государственной статистики (ФСГС), она составляет около 25% (данные 2021 г.; см.: [Росстат 2022]). Эта доля растёт, но рост происходит очень медленно, и за последние две декады, на протяжении которых экономика в стране сохраняла относительную стабильность, увеличение произошло лишь на 2%. При этом доля людей с высшим образованием постоянно растёт; в начале третьей декады XXI века обладателей диплома о высшем образовании почти на треть больше, чем рабочих мест с соответствующими требованиями к образованию. Однако около 20% работников, занимающих такие места, не имеют высшего образования. Большинство из профессионалов ($\frac{2}{3}$ от общего числа) заняты в государственном секторе. Женщин среди российских профессионалов вдвое больше, чем мужчин. По свидетельству авторов книги, многие ключевые и массовые профессии в России (например, врач, учитель, учёный) приобрели статус «женских». Внутри группы профессионалов наблюдается значительная поляризация. Ядро из «настоящих» профессионалов с высокими знаниями и навыками относительно немногочисленно. Периферия группы состоит из тех, кто получил высшее образование заочно или не в ведущих вузах; формирующие её люди работают там, где требования к их креативности либо формальные, либо весьма эпизодические.

Представленная эмпирическая картина кажется, как минимум, нейтральной, но до тех пор, пока речь не заходит о процессах и динамике, в которых задействованы профессионалы. Малый темп прироста требующих высокой квалификации рабочих мест приводит к тому, что в корпусе профессионалов оказывается непропорционально мало молодых людей, ведь «хорошие» рабочие места, полностью соответствующие статусу профессионалов, по свидетельству авторов, уже заняты работниками средних и старших возрастов.

Формально профессионалы или специалисты с высшим образованием имеют более высокий уровень доходов по сравнению с теми, у кого нет соответствующего формального диплома. Однако в литературе было ранее неоднократно показано, что эта разница невелика [Кузьмина, Попов 2015]; к примеру,

разница в оплате труда между шофёром и врачом в США составляет 261%, в Германии — 172%, в России — 20% [Россия 2025: от кадров к талантам 2017]. Даже если предположить, что высокая зарплата — это устаревший критерий успеха, актуальный в рамках индустриального общества, тогда как в обществе «новом», постиндустриальном, важнее критерий ориентации на удовлетворённость трудом, картина от этого не меняется. Согласно опубликованным в книге данным, 55% специалистов в России не достигают творческой самореализации, а $\frac{1}{3}$ из них вообще не считают свою работу интересной. Профессионалы с «постденежной» мотивацией, придающий больший смысл содержанию работы, а не оплате труда, находятся в России в явном меньшинстве.

Из этого вытекают вопрос и проблема благополучия профессионалов. По результатам исследования, важнейшие факторы благополучия оказались не связаны с профессионализмом (к примеру, речь идёт о важности региональных и поселенческих неравенств, иждивенческой нагрузки). Между человеческим капиталом российских профессионалов и их успешностью в настоящее время нет жёсткой взаимосвязи, а улучшение профессиональных навыков не приводит к повышению благополучия. В этом контексте вполне логично, что, как показывают авторы монографии, уровень участия российских профессионалов в образовании в течение жизни (*life-long learning*) в несколько раз ниже, чем в развитых странах. И поэтому карьерные стратегии зачастую не связаны с профессиональными навыками, что возвращает нас к методическому вопросу о различии руководителей и профессионалов в российских условиях. Можно предположить, что в условиях государственной и корпоративной занятости важным с точки зрения субъективного и объективного благополучия становится, скорее, получение менеджеральных, управленческих позиций. По сути, в рамках такой карьерной стратегии происходит подмена профессиональной карьеры карьерой менеджеральной с соответствующими последствиями для связанных с изначальной профессией навыков и знаний.

Состояние и динамика группы российских профессионалов невыгодно отличаются от того, что наблюдается в развитых странах со знаниеёмкими экономиками. Причём проблема не решается локальными улучшениями, скажем, в сфере образования. Она имеет системный, структурный характер и связана с развитием и типом отечественной экономики, где по-прежнему очень мало знаниеёмких областей и отраслей, требующих от специалистов регулярного поддержания и обновления профессионального знания, а основным работодателем для профессионалов выступают ригидные бюрократизированные структуры. Всё это не просто мешает расширенному воспроизводству профессионалов, превращению их в новый авангардный класс, но ставит под вопрос необходимость такого воспроизводства в текущих социальных условиях.

Заключение

Знаковой для конца 1960-х гг., то есть для времени создания Института социологии РАН³ в нашей стране, стала монография А. Г. Здравомыслова, В. А. Ядова и В. П. Рожина, озаглавленная «Человек и его работа» [Здравомыслов, Ядов, Рожин 1967]. В центре внимания в этой монографии находились квалифицированные рабочие. Спустя несколько десятилетий становится очевидным смещение внимания учёных с рабочих на профессионалов, что говорит не столько об изменении научных предпочтений, сколько о произошедших социальных изменениях и об особой важности группы специалистов с высшей квалификацией. В отечественной литературе изучение человеческого капитала и профессионалов привело к образованию научных школ. Так, человеческий капитал в его классической интерпретации, с вопросами экономической отдачей на первом плане, изучали экономисты Р. И. Капелюшников и В. Е. Гимпельсон. Группы профессионалов, представителей интеллектуального труда изучали, например, исследователи под руководством В. А. Мансурова.

³ Официально учреждён в качестве Института конкретных социальных исследований (ИКСИ) Академии наук СССР решением Президиума Академии наук СССР от 14 июня 1968 г.

Авторы рецензируемой монографии «Человеческий капитал российских профессионалов...» успешно нашли вакантную и требующую содержательной и творческой работы нишу, занявшись исследованием комплексного социального эффекта или отдачи от человеческого капитала для его обладателей, «носителей» — отдельных людей и групп, уйдя к тому же от традиционных теоретических интерпретаций в сторону нового понимания человеческого капитала и его социальной роли. Это позволяет социологизировать идею человеческого капитала, иначе взглянуть на «работу» этого капитала на уровне российского общества, оценить его востребованность и важность (или неважность). Такая оценка может стать важным индикатором состояния общества и экономики в долгосрочной перспективе.

Язык социальных наук порой бывает весьма сдержанным и даже сухим. Такая сухость появляется там, где особенно важны универсальность, описательная точность и возможности для надёжного прогноза. Работы, написанные подобным языком, пожалуй, можно сравнить с результатами медицинского обследования или же инженерно-технической экспертизы. Именно тогда, когда речь идёт об ответственности за человеческие жизни, возникает необходимость в универсальности и сдержанности. Вышедшая монография относится к категории таких ответственных работ. Парадокс состоит в том, что, несмотря на сухой язык, книга способна оказать сильное влияние на заинтересованного читателя, как интеллектуальное, так и эмоциональное. Проблемы человеческого капитала и класса (или протокласса, как он именуется в книге) профессионалов, связанные с общими вопросами развития страны, на фоне строгих эмпирических свидетельств звучат особенно остро.

Монография, безусловно, не закрывает тему изучения профессионалов и человеческого капитала в России, а ставит несколько важных вопросов. К примеру, о самосознании, политической субъектности «нового класса» профессионалов. В условиях государственной занятости политическая субъектность профессионалов, по всей видимости, весьма схожа или неотличима от субъектности бюрократии. Сможет ли «протокласс» профессионалов когда-либо превратиться в реальную политическую силу? Вероятно, это связано не только и не столько с самими профессионалами, сколько с существующими в нашей стране социальными структурами, внешними по отношению к рассматриваемой группе.

Отметим, что ряд важных, на наш взгляд, сюжетов остаётся вне фокуса книги. В первую очередь это актуальная для нашей страны тема амортизации, или утраты, человеческого капитала в течение жизни. Особая важность этой темы определяется значительной социально-экономической турбулентностью последних десятилетий в нашей стране (слом советской индустриальной экономики, «утечка умов», не востребованность, низкая отдача от знаний и т. д.). К слову, интерес к амортизации человеческого капитала возникает не только в нашей стране (см., например: [Dinerstein, Megalokononou, Yannelis 2022]). Эта проблема требует изменения подхода к учёту и измерению человеческого капитала. Попытки выработать такой новый подход широко обсуждаются в литературе [Hanushek et al. 2015; Angrist, Djankov, Goldberg 2021; Égert, Maisonneuve, Turner 2022]. Ещё одной важной темой может стать специфичность человеческого капитала, в социологическом ракурсе подразумевающая неодинаковость «эффекта» знаний и навыков как в классическом смысле, с точки зрения экономической отдачи, так и с точки зрения благосостояния человека и отдельных групп с особыми знаниями и навыками, их социальных перспектив и динамики. Впрочем, этот ракурс возвращает нас к идее изменчивости, лабильности запасов и стоимости человеческого капитала в условиях кризисов и радикальных перемен. Такой избирательный и исторический взгляд на человеческий капитал в целом отличает работы гарвардского профессора Клаудии Гольдин, получившей в 2023 г. Нобелевскую премию по экономике (см., например: [Goldin 2019]). Как известно, измерения в науке чаще всего производятся на основе индикаторов. Состояние профессионалов и человеческого капитала, похоже, становится важнейшим индикатором национального развития, поэтому возвращение к данной исследовательской тематике неизбежно, и рассматривать вышедшую книгу стоит не как завершённый проект, но как определённый этап длительной научной работы.

Литература

- Бурдье П. 2007. Мертвый хватает живого. В кн.: Бурдье П. *Социология социального пространства*. СПб.: Алетейя; 121–157.
- Воронина Н. Д., Попов Д. С. 2019. Востребованность образования взрослых и факторы, связанные с участием в нём: Россия на фоне стран ОЭСР. *Экономическая социология*. 20 (2): 122–153. URL: <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2019-2-122-153>
- Здравомыслов А. Г., Ядов В. А., Рожин В. П. (отв. ред.) 1967. *Человек и его работа (социологическое исследование)*. М.: Мысль.
- Капелюшников Р. И. 2013а. Сколько стоит человеческий капитал России? Часть I. *Вопросы экономики*. 1: 27–47. URL: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2013-1-27-47>
- Капелюшников Р. И. 2013б. Сколько стоит человеческий капитал России? Часть II. *Вопросы экономики*. 2: 24–46. URL: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2013-2-24-46>
- Кузьмина Ю. В., Попов Д. С. 2015. Функциональная грамотность взрослых и их включённость в общество в России. *Социологические исследования*. 7: 48–57.
- Парсонс Т. 2015. Профессии и социальная структура. *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия II, Социология*. 4: 153–170.
- Россия 2025: от кадров к талантам*. 2017. М.: The Boston Consulting Group.
- Росстат 2022. *Рабочая сила, занятость и безработица в России (по результатам выборочных обследований рабочей силы)*. М.: Росстат.
- Сартр Ж. П. 2004. *Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии*. Перев. с франц., предисл., примеч. В. И. Колядко. М.: Республика.
- Тихонова Н. Е. 2020. Российские профессионалы: специфика рабочих мест и человеческого потенциала. *Социологические исследования*. 10: 71–83. doi: [10.31857/S013216250010300-3](https://doi.org/10.31857/S013216250010300-3)
- Тихонова Н. Е. 2022. Динамика качества человеческого потенциала российских профессионалов: 2010–2021 гг. *Journal of Institutional Studies*. 14 (4): 18–41.
- Тихонова Н. Е., Каравай А. В. 2017. Человеческий капитал российских рабочих: общее состояние и специфические особенности. *Мир России*. 26 (3): 6–35. doi: [10.17323/1811-038X-2017-26-3-6-35](https://doi.org/10.17323/1811-038X-2017-26-3-6-35)
- Тихонова Н. Е. et al. 2023. Человеческий капитал российских профессионалов: состояние, динамика, факторы : [монография]. М.: ФНИСЦ РАН. doi: [10.19181/monogr.978-5-89697-420-8.2023](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-420-8.2023)
- Флорида Р. 2007. *Креативный класс: люди, которые меняют будущее*. М.: Изд. дом «Классика-XXI».
- Angrist N., Djankov S., Goldberg P. K. 2021. Measuring Human Capital Using Global Learning Data. *Nature*. 592: 403–408. URL: <https://doi.org/10.1038/s41586-021-03323-7>

- Brown Ph., Lauder H., Cheung S. Y. 2020. *The Death of Human Capital? Its Failed Promise and How to Renew It in an Age of Disruption*. New York; Oxford: Oxford University Press. URL: <https://doi.org/10.1093/oso/9780190644307.001.0001>
- Burnham J. 1941. *The Managerial Revolution: What is Happening in the World*. New York: John Day Co.
- Dinerstein M., Megalokonomou R., Yannelis C. 2022. Human Capital Depreciation and Returns to Experience. *American Economic Review*. 112 (11): 3725–3762. doi: [10.1257/aer.20201571](https://doi.org/10.1257/aer.20201571)
- Égert B., Maisonneuve C. de la, Turner D. 2022. A New Macroeconomic Measure of Human Capital Exploiting PISA and PIAAC: Linking Education Policies to Productivity. *OECD Economics Department Working Papers*. 1709. doi: [10.1787/a1046e2e-en](https://doi.org/10.1787/a1046e2e-en)
- Goldin C. 2019. Human Capital. In: Diebolt c., Hauptert M. *Handbook of Cliometrics*. 2nd edn. New York: Springer International Publishing; 147–177. doi: [10.1007/978-3-030-00181-0](https://doi.org/10.1007/978-3-030-00181-0)
- Hanushek E. A. et al. 2015. Returns to Skills around the World: Evidence from PIAAC. *European Economic Review*. 73 (January): 103–130. URL: <https://doi.org/10.1016/j.eurocorev.2014.10.006>
- Liu G. 2011. Measuring the Stock of Human Capital for Comparative Analysis: An Application of the Lifetime Income Approach to Selected Countries. *OECD Statistics Working Papers*. 2011/06. Paris: OECD. doi: [10.1787/5kg3h0jnn9r5-en](https://doi.org/10.1787/5kg3h0jnn9r5-en)
- OECD 2020. *How's Life? 2020. Measuring Well-Being*. Paris: OECD Publishing. URL: <https://doi.org/10.1787/9870c393-en>
- Sen A. 1985. Well-Being, Agency and Freedom: The Dewey Lectures 1984. *The Journal of Philosophy*. 82 (4): 169–221. URL: <https://doi.org/10.2307/2026184>
- UNDP (United Nations Development Programme) 1990. *Human Development Report 1990: Concept and Measurement of Human Development*. New York; Oxford: Oxford University Press.

NEW BOOKS

Dmitry Popov

A Professional and His Work: Is Human Capital Important in Contemporary Russia?

Book Review: Tikhonova N. E., Latov Yu. V., Karavay N. V., Latova N. V., Slobodenuk E. D. (2023) *Human Capital of Russian Professionals: Current State, Dynamics, Factors* Moscow: FCTAS RAS. 488 p. (in Russian).

POPOV, Dmitry — Candidate of Sciences in Sociology; Leading Researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences. Address: 24/35, bld. 5, Krzhizhanovskogo str., Moscow, 117218, Russian Federation.

Email: dmtrppv@gmail.com

Abstract

This publication is a review of (and a reflection on) the recent book “Human Capital of Russian Professionals: Current State, Dynamics, Factors” published by the Russian Academy of Sciences. Over the past two decades, research has repeatedly shown that the value of human capital (at least in developed Western countries) has exceeded the value of physical capital, and it is human capital that largely determines modern economic development. Therefore, interest in human capital remains at a consistently high level, especially with regard to the research and assessment of its macroeconomic effects. At the same time, the original theory that appeared in the 1950s–60s within the Chicago school of economics defined human capital at the microeconomic level as the result of a person’s investments in his own life and his own development. The authors of the book under review attempt to comprehend sociologically human capital, revealing that behind the rather abstract idea of capital there are specific social actors—people and social groups. This perspective aligns the idea of human capital more closely with its original interpretation. The authors of the book raise the question about the significance of professionalism and, more generally, human capital (primarily knowledge, abilities, skills) within the social system of modern Russia, exploring whether they give advantages to their “bearers.” Despite its apparent obviousness and simplicity, this question turns out to be remarkably complex. The observed advantages for holders of extensive professional knowledge and skills in the post-Fordist knowledge-intensive economies (expressed in social dynamics, income, social prestige) may not be readily available to professionals in Russia. One of the pessimistic conclusions of the book is that Russian society is “stuck” somewhere in the transition to a postmodern economy and the inevitability of this transition seems to be less evident today. Apparently, professionalism and human capital play a different role in modern Russia in comparison with Western economies, which forces us to look differently at issues of dynamics, structure and social development.

Keywords: human capital; human development; professionals; specialists; social structure; social dynamics.

References

Angrist N., Djankov S., Goldberg P. K. (2021) Measuring Human Capital Using Global Learning Data. *Nature*, no 592, pp. 403–408. Available at: <https://doi.org/10.1038/s41586-021-03323-7> (accessed 15 March 2024).

Bourdieu P. (2007) Mertvyy khvataet zhivogo [Dead Seize the Living]. *Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva* [Sociology of Social Space], St. Petersburg: Aletheia, pp. 121–157 (in Russian).

- Brown Ph., Lauder H., Cheung S. Y. (2020) *The Death of Human Capital? Its Failed Promise and How to Renew It in an Age of Disruption*, New York; Oxford: Oxford University Press. Available at: <https://doi.org/10.1093/oso/9780190644307.001.0001> (accessed 15 March 2024).
- Burnham J. (1941) *The Managerial Revolution: What is Happening in the World*, New York: John Day Co.
- Dinerstein M., Megalokonomou R., Yannelis C. (2022) Human Capital Depreciation and Returns to Experience. *American Economic Review*, vol. 112, no 11, pp. 3725–3762. doi: [10.1257/aer.20201571](https://doi.org/10.1257/aer.20201571)
- Égert B., Maisonneuve C. de la, Turner D. (2022) A New Macroeconomic Measure of Human Capital Exploiting PISA and PIAAC: Linking Education Policies to Productivity. *OECD Economics Department Working Papers*, no 1709. doi: [10.1787/a1046e2e-en](https://doi.org/10.1787/a1046e2e-en)
- Florida R. (2007) *Kreativnyy klass: lyudi, kotorye menyayut budushchee* [The Creative Class and How It's Transforming Future], Moscow. Publishing house "Klassika-XXI" (in Russian).
- Goldin C. (2019) Human Capital. *Handbook of Cliometrics* (eds. C. Diebolt, M. Hauptert), 2nd eds., New York: Springer International Publishing, pp. 147–177. doi: [10.1007/978-3-030-00181-0](https://doi.org/10.1007/978-3-030-00181-0)
- Hanushek E. A., Schwerdt G., Wiederhold S., Woessmann L. (2015) Returns to Skills around the World: Evidence from PIAAC. *European Economic Review*, vol. 73, January, pp. 103–130. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.euroecorev.2014.10.006> (accessed 15 March 2024).
- Kapeliushnikov R. (2013a) Skol'ko stoit chelovecheskiy kapital Rossii? Chast' I [Russia's Human Capital: What Is It Worth? Part I]. *Voprosy Ekonomiki*, no 1, pp. 27–47. Available at: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2013-1-27-47> (accessed 15 March 2024) (in Russian).
- Kapeliushnikov R. (2013b) Skol'ko stoit chelovecheskiy kapital Rossii? Chast' II [Russia's Human Capital: What Is It Worth? Part II]. *Voprosy Ekonomiki*, no 2, pp. 24–46. Available at: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2013-2-24-46> (accessed 15 March 2024) (in Russian).
- Kuzmina Y. V., Popov D. S. (2015) Phunktsional'naya gramotnost' vzroslykh i ih vklyuchennost' v obshchestvo v Rossii [Functional Literacy of Adults and Social Inclusion in Russia]. *Sociological Studies = Sotsiologicheskie Issledovaniia*, no 7, pp. 48–57 (in Russian).
- Liu G. (2011) Measuring the Stock of Human Capital for Comparative Analysis: An Application of the Lifetime Income Approach to Selected Countries. *OECD Statistics Working Papers*, no 2011/06, Paris: OECD, 2011. doi: [10.1787/5kg3h0jnn9r5-en](https://doi.org/10.1787/5kg3h0jnn9r5-en)
- OECD (2020) *How's Life? 2020: Measuring Well-Being*, Paris: OECD Publishing. Available at: <https://doi.org/10.1787/9870c393-en> (accessed 15 March 2024).
- Parsons T. (2015) Profhessii i sotsial'naya struktura [The Professions and Social Structure]. *Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 11: Sociology = Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seria 11, Sociologiya*, no 4, pp. 153–170 (in Russian).
- Rossiia 2025: ot kadrov k talantam [Russia 2025: From Human Resources to Talents]. (2017), Moscow: The Boston Consulting Group (in Russian).

- Rosstat (2022) *Rabochaya sila, zanyatost' i bezrabotitsa v Rossii (po rezul'tatam vyborochnykh obsledovaniy rabochey sily)* [Labor Force, Employment and Unemployment in Russia (Based on Labor Force Sample Surveys)], Moscow: Rosstat (in Russian).
- Sartre J.-P. (2004) *Bytie i nichto: Opyt fenomenologicheskoy ontologii* [Being and Nothingness: An Essay on Phenomenological Ontology] (transl. V. I. Kolyadko), Moscow. Publishing house "Respublica" (in Russian).
- Sen A. (1985) Well-Being, Agency and Freedom: The Dewey Lectures 1984. *The Journal of Philosophy*, no 82 (4), pp. 169–221. Available at: <https://doi.org/10.2307/2026184> (accessed 15 March 2024).
- Tikhonova N. E. (2020) Rossiyskie professionaly: spetsifika rabochikh mest i chelovecheskogo potentsiala [Russian Professionals: Specifics of Jobs and of Human Potential]. *Sociological Studies = Sotsiologicheskie Issledovaniia*, no 10, pp. 71–83. doi: [10.31857/S013216250010300-3](https://doi.org/10.31857/S013216250010300-3) (in Russian).
- Tikhonova N. E. (2022) Dinamika kachestva chelovecheskogo potentsiala rossiyskikh professionalov: 2010–2021 gg. [Dynamics of Human Potential Quality of Russian Professionals: 2010–2021]. *Journal of Institutional Studies*, vol. 14, no 4, pp. 18–41. doi: [10.17835/2076-6297.2022.14.4.018-041](https://doi.org/10.17835/2076-6297.2022.14.4.018-041) (in Russian).
- Tikhonova N. E., Latov Yu. V., Karavay N. V., Latova N. V., Slobodenuk E. D. (2023) *Chelovecheskiy kapital rossiyskikh professionalov: sostoyanie, dinamika, phactory* [Human Capital of Russian Professionals: Current State, Dynamics, Factors], Moscow, FCTAS RAS. doi: [10.19181/monogr.978-5-89697-420-8.2023](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-420-8.2023) (in Russian).
- Tihonova N. E., Karavaj A. V. (2017) Chelovecheskiy kapital rossiyskikh rabochikh: obshchee sostoyanie i spetsificheskie osobennosti [The Human Capital of Russian Workers: The Overall State and Its Specifics]. *Universe of Russia = Mir Rossii*, vol. 26, no 3, pp. 6–35. doi: [10.17323/1811-038X-2017-26-3-6-35](https://doi.org/10.17323/1811-038X-2017-26-3-6-35) (in Russian).
- UNDP (United Nations Development Programme) (1990) *Human Development Report 1990: Concept and Measurement of Human Development*. New York; Oxford: Oxford University Press.
- Voronina N., Popov D. (2019) Vostrebovannost' obrazovaniy vzroslykh i phactory, svyazannye s uchastiem v nem: Rossiya na phone stran OESR [Participation in Adult Education: Russia in Comparison with OECD Countries]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 20, no 2, pp. 122–153. doi: [10.17323/1726-3247-2019-2-122-153](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2019-2-122-153) (in Russian).
- Zdravomyslov A. G., Yadov V. A., Rozhin V. P. (eds) (1967) *Chelovek i ego rabota (sotsiologicheskoe issledovanie)* [A Man and His Work. Sociological Research], Moscow: Mysl' Publishing House (in Russian).

Received: February 6, 2024

Citation: Popov D. (2024) Professional i ego rabota: vazhen li chelovecheskiy kapital v sovremennoy Rossii? [A Professional and His Work: Is Human Capital Important in Contemporary Russia? Book Review: Tikhonova N. E., Latov Yu. V., Karavay A. V., Latova N. V., Slobodenuk E. D. (2023) *Human Capital of Russian Professionals: Current State, Dynamics, Factors* Moscow: FCTAS RAS. 488 p.]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 25, no 2, pp. 148–159. doi: [10.17323/1726-3247-2024-2-148-159](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2024-2-148-159) (in Russian).